

Будюкин Д.А.

Трансформация аристократического идеала воинской доблести в итальянском городе XV- XVII вв.

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3014>]

[Публикация работы:]

Будюкин Д.А. 2010: Трансформация аристократического идеала воинской доблести в итальянском городе XV-XVII вв. // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. II. Ярославль, 111-112.



НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND



РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES



НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH



ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Трансформация аристократического идеала воинской доблести в итальянском городе XV-XVII вв.

Западноевропейскую аристократическую культуру невозможно представить без такой важнейшей ее составляющей, как рыцарственность, необходимой частью которой является культ военного искусства и воинской доблести. Репрезентации рыцарственности различны в разные времена и в разных условиях, тем не менее ее неразрывная связь с аристократизмом стала частью европейской культурной традиции, важнейшим наследием Средневековья. Городская культура изначально не связана с рыцарской и даже в чем-то противоположна ей; однако, если город аристократизируется, он принимает также и рыцарский идеал воинской доблести. Особенно четко этот процесс можно проследить на примере североитальянских городов позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Если на протяжении зрелого Средневековья в Италии не было почвы и места для рыцарской культуры¹, то уже в XV в. рыцарские идеалы играют важную роль в духовной жизни североитальянских городов, превращающихся в княжества. Рост значения идеала рыцарственности идет в одном ряду с постепенной аристократизацией социальной жизни городов и приобретением их правителями пожалованных императором титулов. В этом контексте становится понятным внимание этих правителей к рыцарскому идеалу, который таким образом с необходимостью становится важнейшим средством легитимации их власти в новых условиях и начинает активно использоваться ими в этом качестве. Широкое распространение и значительную популярность получают рыцарские романы Артуровского цикла, многие из которых переводятся на итальянский язык. Рыцарские романы становятся не менее, а порой даже более востребованными в качестве образца поведения, чем произведения античных авторов, что в немалой степени разрушает привычные стереотипы о ментальности эпохи Возрождения.

Фрески одного из залов дворца Гонзага в Мантуе — Зала Пизанелло, названного в честь создавшего росписи художника, целиком посвящены персонажам и событиям Артуровского цикла. Образ Лознгринга, Рыцаря Лебеда, приобретший широкую популярность в Германии (и оказавший не меньшее влияние на современную культуру — вспомним музыку Вагнера и замки короля Людвиг), в результате династических связей распространился в Северной Италии. Бранденбургским курфюрстом в 1440 г. был основан рыцарский орден Лебеда, и маркиз Гонзага, женатый на племяннице курфюрста, стал рыцарем этого ордена. Вновь возрос интерес к рыцарским турнирам, участники которых нередко принимали имена легендарных рыцарей Круглого стола². Следует подчеркнуть, что все эти явления были не просто игрой в несуществующий идеал, но выступали в качестве важного фактора легитимации власти правителей и сознательно ими культивировались, становясь при этом органичным элементом общественной жизни.

Здесь речь идет о Мантуе — наряду с Феррарой одной из старейших аристократических синьорий в Италии, не знавшей власти пополюсов и дискриминации грандов. Однако даже в такой когда-то «народной» республике, как Флоренция и города ее сферы влияния, имели место аналогичные процессы — только, в сравнении с прошлой ситуацией, в еще большем масштабе. Если когда-то быть зачисленным в ряды аристократии считалось для флорентийца величайшим наказанием, то в XVI-XVII вв. это стало мечтой его жизни³.

В качестве иллюстрации этих тенденций особый интерес представляет Сиена. Этот город в XVI в. утратил независимость, будучи присоединен к великому герцогству Тосканскому; в итоге элита Сиены вообще не имела веских династических причин вести войны и интересоваться военным делом. Однако принятые великим герцогом Козимо I Медичи меры, направленные на легитимацию его династии и включавшие программу милитаризации тосканской аристократии, встретили со стороны сиенской элиты только одобрение. Среди этих мер были, в частности, основание рыцарского ордена Святого Стефана, организованного по образцу мальтийских рыцарей, и увеличение количества военных должностей в герцогстве, в обеспечение которых, несмотря на длительный мирный период, выделялись значительные средства. В ре-

¹ История Италии: в 3-х тт. М.: Наука, 1970. Т. 1. С. 268.

² Woods-Marsden J. French Chivalric Myth and Mantuan Political Reality in the *Sala del Pisanello* // Art History. Dec. 1985. Vol. 8. № 4. P. 397-412.

³ История Италии... Т. 1. С. 268.



зультате не менее пятисот молодых сиенских дворян в течение второй половины XVI и XVII вв. посвятили себя военной карьере⁴.

Военное искусство стало рассматриваться как благородная, рыцарская сфера деятельности, и занятие им не столько вознаграждалось материально, сколько способствовало росту престижа и социального статуса. Флорентийские и сиенские дворяне, среди предков которых можно было найти лишь купцов и банкиров, осознавали себя настоящими рыцарями и хотели соответствовать рыцарскому идеалу, не связанному ни с историей и традициями их городов, ни с реальной жизнью своего времени. Идеал воинской доблести приобретал связь с религией, вызывая в общественном сознании, казалось бы, давно и прочно забытый образ крестового похода, неожиданно актуальный в аспекте борьбы с Османской империей. Немало внимания уделялось организации рыцарских турниров, превратившихся в масштабные и пышные спектакли, и военных игр для народа. Последний турнир был проведен в Сиене в 1676 г.⁵ — насколько же затянулась «золотая осень итальянской рыцарственности»! При этом в течение XVII в., несмотря на изобилие декоративных воинских празднеств, имела место постоянная тенденция к реальной демилитаризации итальянской аристократии с нарастающим разрывом между желаемым и действительным⁶.

По завершении Итальянских войн значительно обострилась проблема дворян-разбойников. Многие из тех, кто продавал свой меч воюющим сторонам, не нашли себя в мирной жизни и не вписались в городской порядок. При этом, обладая в сельской местности традиционными феодальными правами и опираясь на древние обычаи кровной мести — вендетты, укрепившись в своих замках, такие бароны становились серьезной угрозой для правопорядка и стабильности государств⁷. Особенно острые конфликты такого рода возникли в Террафирме — континентальных владениях Венецианской республики, поскольку культурный разрыв между патрицианской культурой Венеции и традициями сельских феодалов был очень глубок. Венецианские власти смогли справиться с проблемой путем развития местных административных органов и широкого применения изгнания к криминализированным дворянам. Однако в данном случае принципиально важно наблюдение Кристины Джойи: «аристократы-бандиты не усматривали никакого противоречия в своей двойной репрезентации как одновременно аристократов на государственной службе и бандитов и убийц, изгоняемых Республикой. Быть бандитом вполне можно было, сохраняя аристократическую идентичность; бандитизм был просто еще одним аспектом благородного поведения»⁸.

Таким образом, в Северной Италии рассматриваемого периода трансформировавшийся идеал рыцарственности проявлялся в самых различных, нередко неожиданных, курьезных и противоречивых формах — от рыцарского турнира до аристократического бандитизма. Порождаемые государственной властью как фактор ее легитимации или возникающие вопреки власти и в нарушение закона, эти причудливые формы и проявления стали частью социальной и культурной жизни городов, находясь при этом в глубоком и неразрешимом противоречии с истоками итальянской городской культуры.

⁴ Hanlon G. Glorifying War in a Peaceful City: Festive Representation of Combat in Baroque Siena (1590–1740) // *War in History*. July 2004. Vol. 11. № 3. P. 251–252.

⁵ Hanlon G. Op. cit. P. 267.

⁶ Michalik E. Discipline and Magnificence: A Social History of the Italian Aristocracy in the Age of Baroque: M.A. Thesis. Halifax, Nova Scotia: Dalhousie Univ., 1998. P. 45–53.

⁷ Gioia C. Aristocratic Bandits and Outlaws: Stories of Violence and Blood Vendetta on the Border of the Venetian Republic (16th–17th Century) // *Imagining Frontiers, Contesting Identities*. Pisa UP, 2007. URL: <http://www.cliohres.net>. P. 96.

⁸ Gioia C. Op. cit. P. 102.

